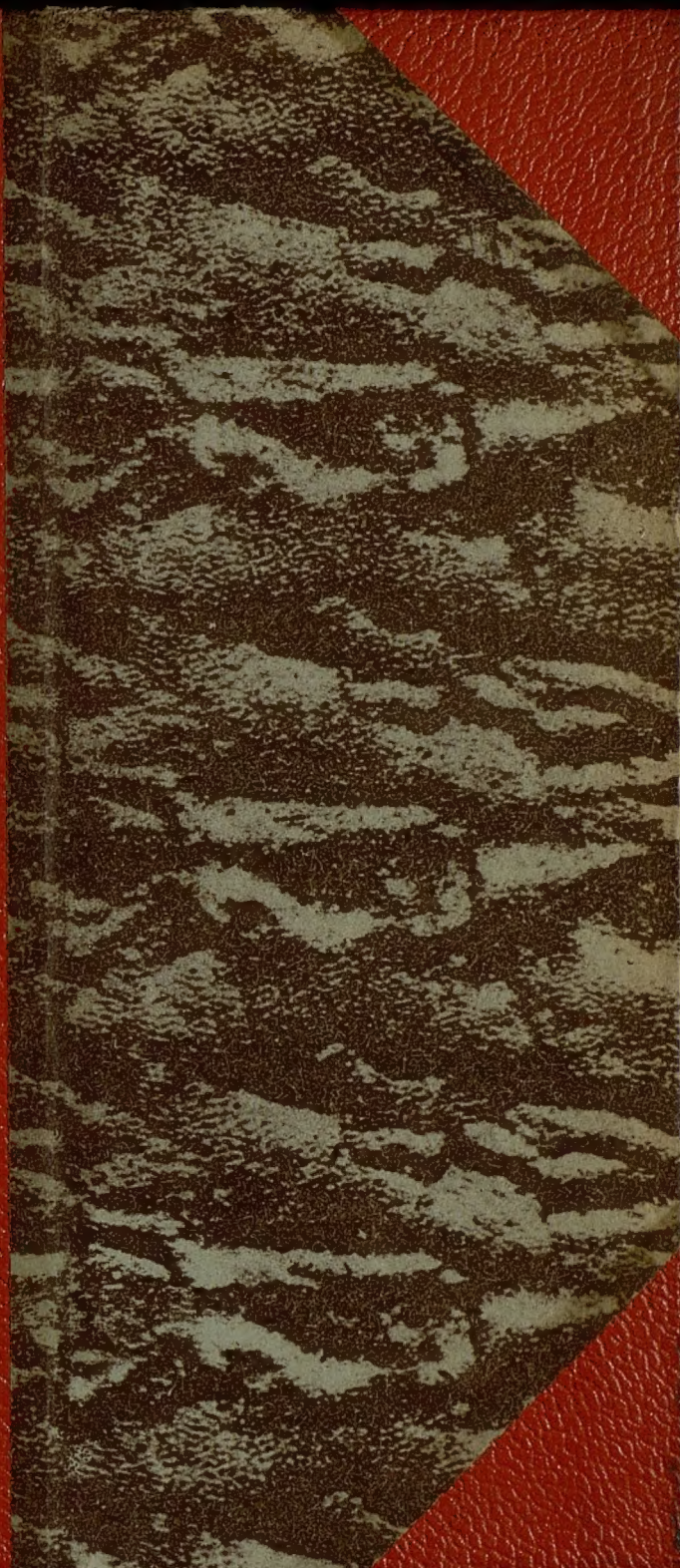

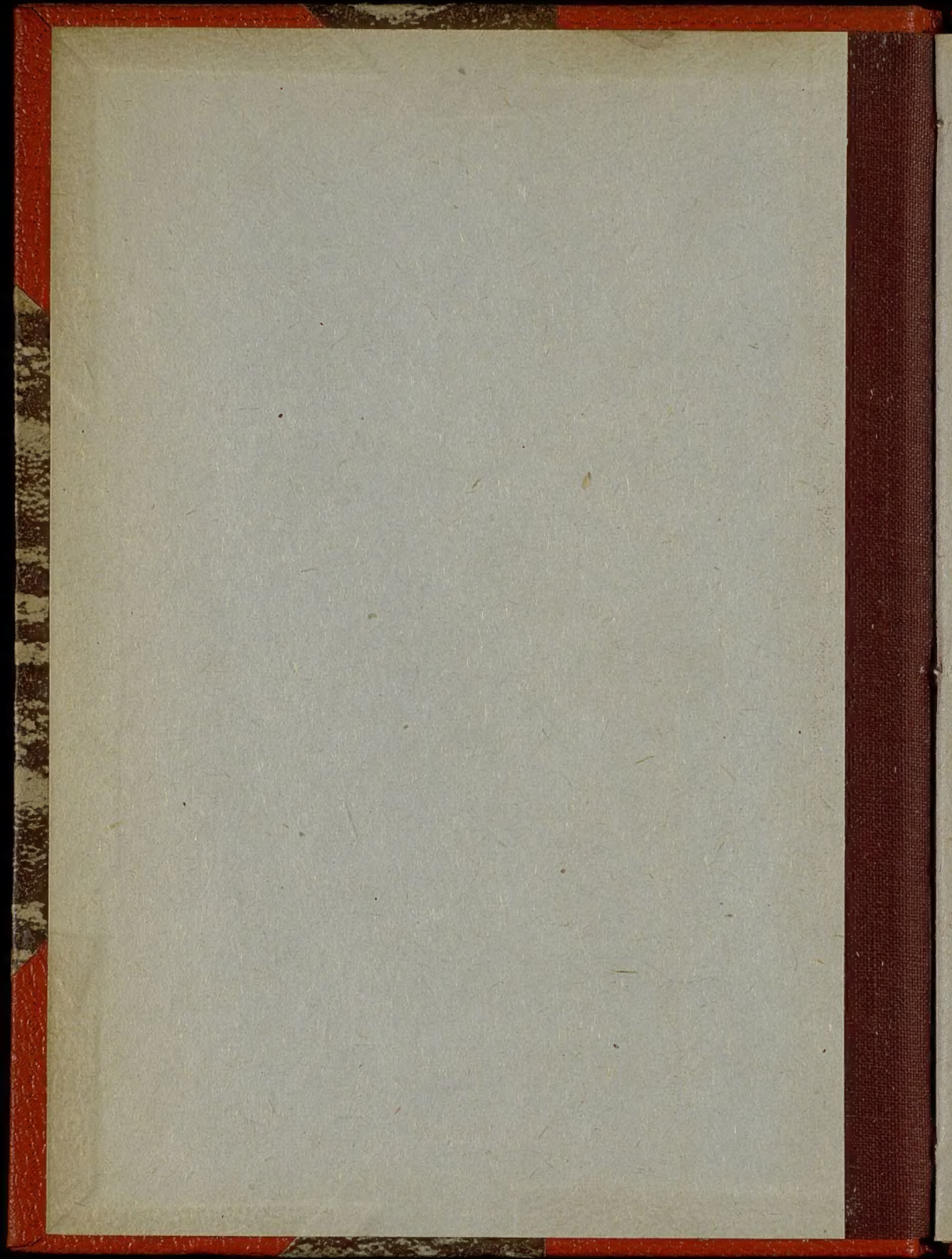
ГОРЕЛИН

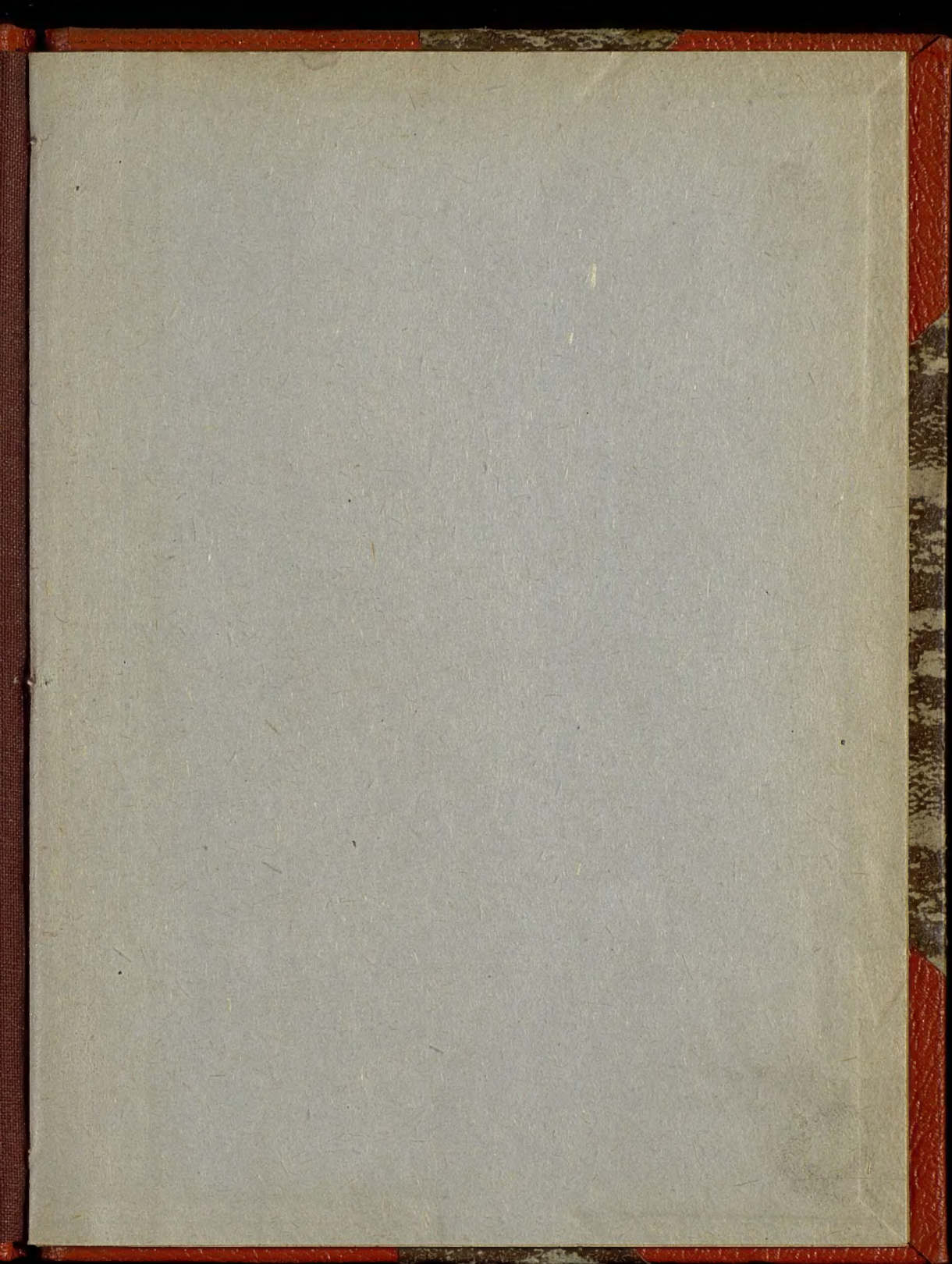
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»

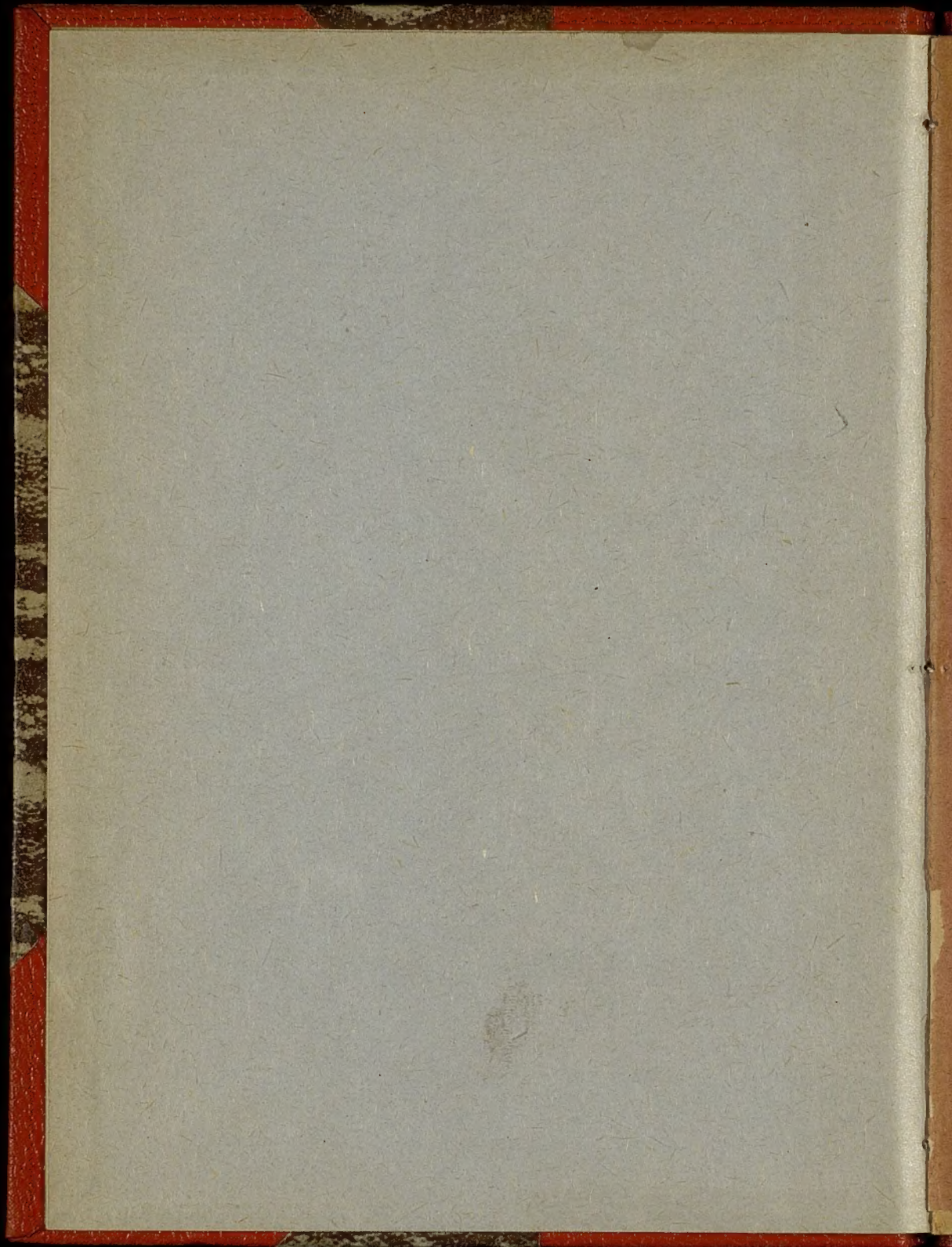
ПОТЕМКИНСКИЕ

ДНИ

И. А. Горелинъ
Корреспондентъ „Русскаго Слова“.

ПОТЕМКИНСКІЕ ДНИ

(СО СЛОВЪ ВЕРНУВШИХСЯ УЧАСТНИКОВЪ
ПОТЕМКИНСКОЙ ТРАГЕДІИ).

ГЖ(511)

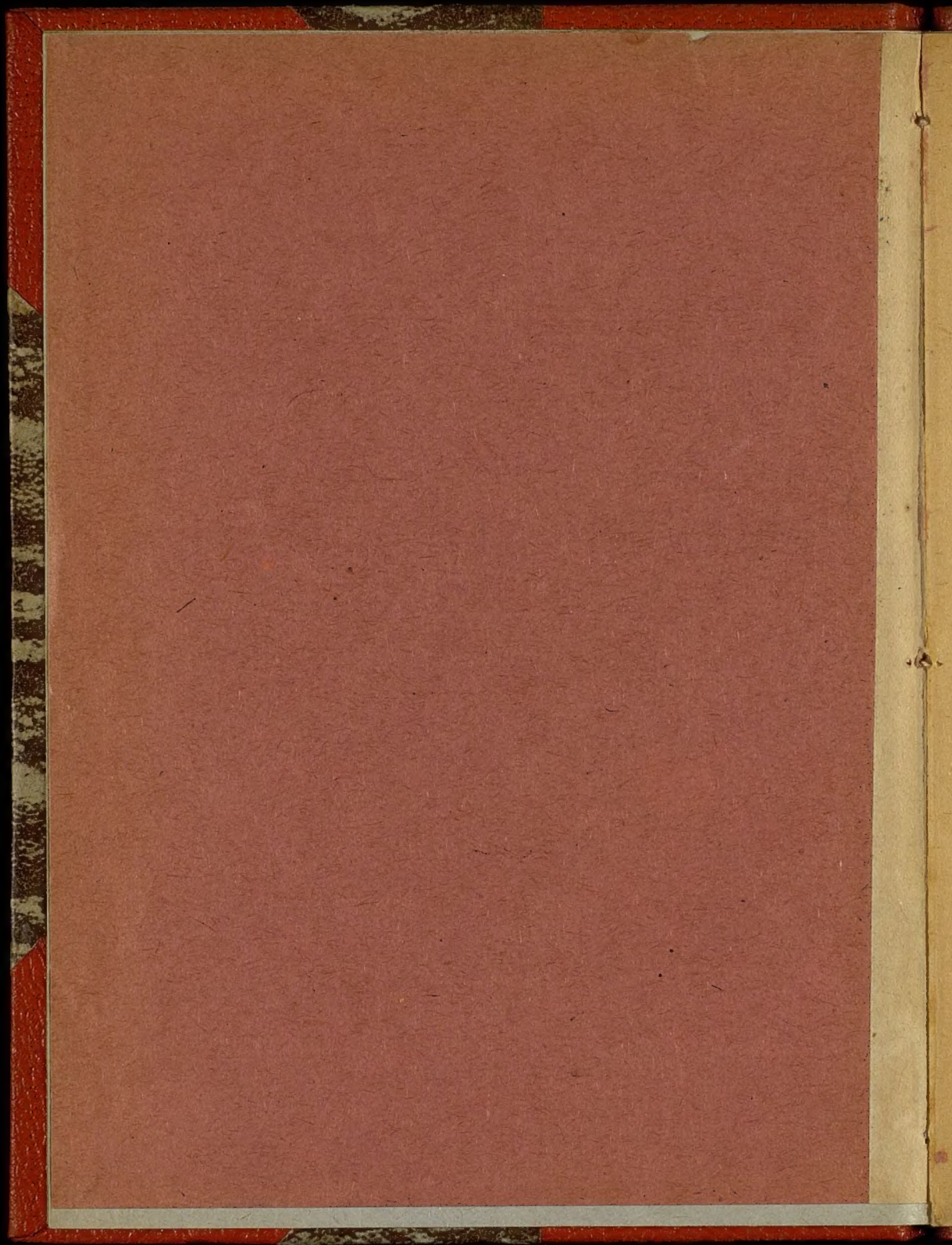
Г731

ВОСПОМИНАНІЯ ПОТЕМКИНЦЕВЪ.

- I. Подготовка возстанія.
- II. Инцидентъ на „Потемкинъ“.
- III. Бунтъ.
- IV. „Потемкинъ“ въ Одессѣ.
- V. Ликвидация.
- VI. Въ Румыніи.
- VII. Матюшенко.

Цѣна 20 коп.

Одесса, 1917 г.

ГЖ 511

Г 731

ПОТЕМКИНСКІЕ ДНИ

(СО СЛОВЪ ВЕРНУВШИХСЯ УЧАСТНИКОВЪ
ПОТЕМКИНСКОЙ ТРАГЕДІИ).

ВОСПОМИНАНІЯ ПОТЕМКИНЦЕВЪ.

- I. Подготовка возстанія.
- II. Инцидентъ на „Потемкинъ“.
- III. Бунтъ.
- IV. „Потемкинъ“ въ Одессѣ.
- V. Ликвідація.
- VI. Въ Румыніи.
- VII. Матюшенко.

Цѣна 20 коп.

Одесса, 1917 г.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

1984
13

ГЖ 511
Г 731 Р

Библиотека

Института Ломоносова

пои. Ц. Н. - Н. П. (б.)

17398 Y

1427
28

„Воспоминанія Потемкинцевъ“.

Великая русская революція вернула, среди всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, изгнанныхъ царскимъ правительствомъ, и „потемкинцевъ“--матросовъ съ того корабля, который хотѣлъ поднять революцію въ Черноморскомъ флотѣ, а за нимъ—и во всей Россіи, и память о которомъ еще такъ свѣжа въ Одессѣ. Вернулась въ Россію небольшая горсточка „потемкинцевъ“, дождавшихся въ Румыніи дня русской свободы. Остальные разбрелись—кто въ Англію, кто въ Америку. Многие поумирали.

Что, собственно говоря, произошло въ 1905 году на „Потемкинѣ“? Подробное описаніе этихъ событій, этого величаваго въ своей наивности порыва поднять возстаніе не тамъ, гдѣ надо, не тѣмъ, чѣмъ надо, и не такъ, какъ надо—дѣло исторіи. Намъ хочется сейчасъ, на основаніи устныхъ разсказовъ вернувшихся въ Россію матросовъ, набросать бѣглую картину памятныхъ іюльскихъ дней 1905 года, памятныхъ для Одессы больше, чѣмъ для кого-бы то ни было. Разсказы „потемкинцевъ“ простые и безхитростные, поражаютъ массой деталей и подробностей, какъ будто дѣло идетъ о вчерашнемъ событіи. Мнѣ говорилъ одинъ матросъ, что ему такъ и кажется, будто двѣнадцать лѣтъ изгнанія—тяжелый сонъ, и будто теперешнія манифестаціи, шествія, знамена и надписи—продолженіе тѣхъ іюльскихъ, незабываемыхъ дней...

I.

Подготовка возстанія.

Бунтъ на „Потемкинѣ“ не былъ тѣмъ, неожиданнымъ взрывомъ, какимъ его считали тогда и считаютъ понынѣ. Изъ разсказовъ непосредственныхъ его участниковъ раскрывается обстоятельство мало извѣстное широ-

кой публикѣ, которое ждетъ еще своего изслѣдователя. Движеніе въ Черноморскомъ флотѣ началось ранней весной 1905 года, и революціонная работа въ матросской средѣ шла упорно. Агитація захватила почти всѣ суда флота и встрѣтила благодарную почву. Матросы устраивали по ночамъ совѣщанія, обсуждая планъ будущаго возстанія. Совѣщанія велись въ темнотѣ, а стоявшіе на спеціальной вахтѣ матросы давали знать о приближеніи начальства. Матросы-революціонеры имѣли тѣсную связь съ революціонными организаціями на сушѣ, и въ результатѣ общаго обсужденія былъ выработанъ такой планъ: когда вся эскадра выйдетъ изъ Севастополя къ Тендрѣ на учебную стрѣльбу—поднять знамя возстанія на всѣхъ корабляхъ одновременно. Сигналомъ должна была послужить ракета, пущенная со старѣйшаго во флотѣ корабля „Марія“. Предположено было насиліемъ надѣ офицерами не чинить: сочувствующихъ революціи—оставить на судахъ, а нежелающихъ примкнуть къ ней—посадить на шлюпки и отправить на берегъ. Далѣе рѣшено было, въ виду того, что флотъ является только колоссальной силой, но самъ не можетъ явиться руководящей организаціей—предоставить себя въ распоряженіе революціонныхъ организацій, употребивъ свои силы на установленіе въ Россіи республиканскаго образа правленія.

Планъ былъ выработанъ во всѣхъ мелочахъ и деталяхъ. Казалось, что осуществленіе его непредотвратимо, и что благополучный исходъ обезпеченъ. Были приняты всѣ мѣры противъ проникновенія провокаціи въ среду революціонныхъ матросовъ. Одинъ матросъ, заподозрѣнный товарищами въ измѣнѣ былъ убитъ въ Севастополѣ, официально это убійство значилось, какъ совершенное въ дракѣ. Всѣ были на мѣстахъ и ждали только, чтобы революціонная агитація была закончена на всѣхъ судахъ и просочилась бы во всю толщу матросской массы. Тогда возстаніе должно было разразиться съ такой же вѣрностью, съ какой падаетъ съ дерева созрѣвшій плодъ.

Къ несчастью, однако, случилось обстоятельство,

внесшее разстройство въ общій планъ, вызвавшее воз-
станіе раньше, чѣмъ оно созрѣло, и, кто знаетъ, отодви-
нувшее, быть можетъ, наступленіе нынѣшнихъ счастли-
выхъ дней на добрый десятокъ лѣтъ...

II.

Инцидентъ на „Потемкинѣ“.

Въ первыхъ числахъ іюля 1905 года линейный
корабль „Потемкинъ“, одно изъ сильнѣйшихъ судовъ
Черноморскаго флота, получилъ приказаніе идти къ
Тендрѣ для испробованія новыхъ орудій и учебныхъ
маневровъ. Команда „Потемкина“ была распропаганди-
рована больше, чѣмъ на другихъ судахъ флота. На
„Потемкинѣ“ находился и одинъ изъ руководителей
предполагавшагося возстанія, ставшій вождемъ случив-
шагося, кондукторъ Матюшенко. Команда вела себя,
однако, по уговору, корректно. Всѣ требованія службы
и приказанія начальства исполнялись безпрекословно и
внимательно. Нужно было обмануть бдительность офи-
церовъ и не дать имъ предугадать наступленіе возстанія,
которое, одноко всѣ еще считали далекимъ. Командиръ
„Потемкина“, капитанъ I ранга Голиковъ, чуялъ, правда,
какимъ-то верхнимъ чутьемъ, что въ командѣ что-то
творится. Неоднократно онъ выходилъ по ночамъ изъ
своей каюты въ войлочныхъ туфляхъ и неслышно об-
ходилъ помѣщеніе. Однако, вахтенные матросы давали
знать о его приближеніи, и бодрствовавшіе въ разгово-
рахъ матросы моментально прикидывались спящими.

Когда „Потемкинъ“ остановился у Тендры, два
офицера-маркитанта поѣхали въ Одессу за продоволь-
ствіемъ. Привезли они на корабль изъ Одессы и мясо
(купленное у Бенетатто). Купили-ли они на мѣстѣ не-
доброкачественное, испортилось-ли оно въ дорогѣ, но
только, когда мясо привезли на „Потемкинъ“, оно было
въ полуразложившемся состояніи, покрытое массой мел-
кихъ бѣлыхъ червей. Матросы объ этомъ узнали, сами
мясо видѣли и доложили черезъ кондуктора Матюшенко

старшему офицеру корабля, лейтенанту Гиляровскому. Последний показалъ мясо судовому врачу, который, однако, заявилъ, что мясо ѣсть можно. Эта резолюція вызвала взрывъ негодованія въ командѣ, которая рѣшила борща въ этотъ день не ѣсть. Напрасно Матюшенко уговаривалъ ихъ смириться, потерпѣть еще пѣсколько времени и не испортить неожиданнымъ выступленіемъ налаженного, но не готового еще дѣла. Когда къ обѣду былъ поданъ борщъ, сваренный изъ червиваго мяса, матросы наотрѣзъ отказались его ѣсть. Объ отказѣ доложено было Голикову, который тотчасъ-же вышелъ на палубу.

III.

Бунтъ.

Голиковъ обратился къ выстроенной на палубѣ командѣ съ рѣчью, въ которой заявилъ, что давно замѣчаетъ въ командѣ что-то неладное. Его наблюденія, въ связи съ фактомъ отказа отъ пищи, убѣждаютъ его, что онъ имѣетъ дѣло съ бунтомъ. Бунтъ же на военномъ кораблѣ во время плаванія карается смертной казнью, и это право законъ предоставляетъ командиру. Поэтому, если команда тотчасъ-же не приступитъ къ обѣду, будутъ приняты рѣшительныя мѣры. Однако, и послѣ этого матросы отказались ѣсть борщъ.

Тогда Голиковъ вызвалъ наверхъ отрядъ дежурной вахты съ винтовками, приказалъ выступить изъ строя 40 матросамъ, первымъ по алфавиту, и спросилъ ихъ, станутъ ли они ѣсть—иначе онъ ихъ разстрѣляетъ. Одни матросы молчали, другіе отвѣтили „нѣтъ“. Тогда Голиковъ скомандовалъ:

— Накрыть ихъ брезентомъ! Разстрѣлять!

Моментъ былъ рѣшительный. Вахта колебалась. Тогда изъ строя выступилъ Матюшенко и крикнулъ:

— Братцы! Помни клятву—въ своихъ не стрѣлять!

Отрядъ опустилъ, какъ одинъ человекъ, дула вин-

товокъ къ землѣ. Голиковъ, увидя происшедшее и услыхавъ слова Матюшенко о клятвѣ, понялъ, что на кораблѣ происходитъ организованное возстаніе, и что для него все погибло. Онъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ почти въ упоръ въ Матюшенко. Пуля пролетѣла мимо и попала въ стоявшаго позади Матюшенко матроса Омельчука, убивъ его наповаль. Этотъ выстрѣлъ сыгралъ для „Потемкина“ роль той ракеты, которая должна была вызвать возстаніе во флотѣ. Матросы разсыпались по кораблю, преслѣдуя убѣгавшихъ офицеровъ. Уговоры Матюшенко и напоминанія нѣкоторыхъ матросовъ о рѣшеніи не убивать офицеровъ оставались безъ вниманія. На суднѣ царилъ нѣкоторое время анархія. Въ разныхъ мѣстахъ раздавались одиночные выстрѣлы, которыми матросы добивали офицеровъ. Многіе офицеры прыгнули съ корабля въ воду; по нимъ не стрѣляли, но они утонули всѣ. Нѣкоторые, ставъ у борта, застрѣлились, и ихъ тѣла упали черезъ бортъ. Голиковъ, успѣвшій убѣжать въ свою каюту, сталъ раздѣваться, чтобы черезъ иллюминаторъ броситься въ море и пытаться спастись, но его здѣсь настигли матросы и привели на палубу въ полураздѣтомъ видѣ. Сначала рѣшено было повѣсить его на мачтѣ, но затѣмъ „для быстроты“, его застрѣлили. Нѣсколько офицеровъ, заявившихъ свое сочувствіе возстанію, были оставлены на кораблѣ. Черезъ какой-нибудь часъ „Потемкинъ“ оказался въ рукахъ революціонныхъ матросовъ, получившихъ въ свое распоряженіе сильнѣйшій корабль Черноморскаго флота. Что было дѣлать дальше?

IV.

„Потемкинъ“ въ Одессѣ.

На кораблѣ тотчасъ же организовался революціонный комитетъ, который, подъ предѣлательствомъ Матюшенко, постановилъ: идти въ Одессу. Что будетъ дальше — никто не зналъ, ибо никто не зналъ также, что творится въ Черноморскомъ флотѣ, и какъ примутъ осталь-

ныя команды, частью еще неподготовленные, вѣсть о возстаніи „Потемкина“. Они чувствовали, однако, что нужно итти къ берегу, ибо только тамъ можно найти что-то такое, какихъ-то людей, которые продолжатъ начатое дѣло и доведутъ его до конца.

На разсвѣтъ 14 іюля „Потемкинъ“ прибылъ въ Одессу. Надъ Андреевскимъ флагомъ развивался красный. Остановившись на рейдѣ, „Потемкинъ“ флагами сигнализировалъ (радіотелеграфа тогда, конечно, не было) командующему войсками одесскаго округа Каханову, что противъ корабля не должны быть приняты никакія враждебныя мѣры. Иначе городъ будетъ разрушенъ судовыми орудіями. Затѣмъ трупъ Омельчука, убитаго командиромъ, былъ свезенъ на берегъ и помѣщенъ въ портъ, въ палаткѣ. Въ портъ стали устремляться изъ города массы народа. Это были дни, и понынѣ памятные всѣмъ одесситамъ. Омельчуку были затѣмъ устроены грандіозныя похороны. Матросы раздавали прокламаціи, собирали деньги. Власть въ городѣ была деморализована. Матросы съ „Потемкина“ ежедневно отправляли на берегъ депутаціи, предупреждая Каханова, что если одинъ волосъ упадетъ съ ихъ головъ, Одесса будетъ разстрѣляна, въ первую же очередь дворецъ командующаго на бульварѣ. Несчастный Кахановъ жилъ подъ вѣчнымъ страхомъ, проклиная и „Потемкинъ“, и Одессу. И тотъ день, когда онъ сюда пріѣхалъ. Кончилось тѣмъ, что онъ сталъ приставлять къ пріѣзжающимъ на берегъ по разнымъ дѣламъ потемкинцамъ вооруженную охрану: какъ-бы съ ними, не случилось чего плохого. И однажды случилась-таки исторія. Пріѣхала въ городъ делегація, пробыла нѣкоторое время и уѣхала на корабль. Одинъ только матросъ зашелъ въ трактиръ „Юбилей“ и застрялъ тамъ. Делегація вернулась безъ него. „Потемкинъ“ ждалъ полъ-часа, ждалъ часъ и выполнилъ угрозу: далъ по городу боевой выстрѣлъ и снесъ верхній этажъ одного дома на Нѣжинской улицѣ. Кто знаетъ, чѣмъ окончилась-бы эта исторія, если бы матросъ не опомнился послѣ выстрѣла.

— Надо идти. Слышите меня зовут! — заявил онъ распивавшей съ нимъ чай компаніи и поспѣшно отправился въ портъ.

Между тѣмъ на самомъ кораблѣ начались нелады. Они нашли для себя благопріятную почву въ томъ состояніи, въ которомъ находились матросы. Такъ хорошо начатое дѣло попало въ какую-то мертвую точку; создавалось нелѣпное положеніе, когда революціонный броненосецъ стоялъ на виду „царскаго“ и ни онъ властямъ, ни власти ему ничего не дѣлали. Наиболѣе слабые духомъ стали сомнѣваться въ реальной пользѣ возстанія. У остальныхъ, наоборотъ—неиспользованная энергія искала выхода, нужно искренно пожалѣть о томъ, что въ этотъ моментъ или еще раньше не нашлось человѣка или организаціи, которая придавала бы возникшему движенію разумную форму, ибо не было такого подвига, на который нельзя было бы повести команду, опьяненную первымъ успѣхомъ, легкой побѣдой и видомъ растерянности властей. Къ несчастью, такой руководящей силы не было, и возстаніе пошло на убыль, сварившись въ собственномъ соку.

Потемкинцы установили, правда, связь съ революціонными организаціями Одессы, но онѣ внесли мало порядка въ дѣло. Прибывшіе на корабль Фельдманъ и другіе революціонеры стали настаивать на томъ, чтобы на берегъ съѣхали съ корабля, для охраны города 500 матросовъ. Часть команды отнеслась къ этому проекту сочувственно, но многіе указывали на его опасность, ибо каждую минуту могъ явиться флотъ, настроеніе котораго никому не извѣстно, и тогда „Потемкинъ“, лишенный большей части команды, былъ бы немедленно захваченъ. Споръ затягивался. На берегъ поѣхала делегація, отправлять телеграммы во флотъ и царю. Конечно, телеграммы были телеграфомъ приняты, но не отправлены.

Кстати, слѣдуетъ упомянуть, что Фельдманъ былъ въ скоромъ времени послѣ этого пойманъ и присужденъ къ смертной казни. Ночью наканунѣ казни онъ бѣжалъ вмѣстѣ со стражей за границу и проживаетъ въ Парижѣ.

до послѣдняго времени. Женать на эмигранткѣ, близкой родственницѣ Столыпина.

Такъ иногда шутить судьба!..

Между тѣмъ, въ революціонный комитетъ „Потемкина“ было внесено предложеніе: чтобы продемонстрировать свою силу и понудить самодержавіе на уступки — разнести Одессу. На это, по вычисленіямъ матросовъ, понадобится всего $\frac{3}{4}$ часа. Предложеніе вызвало горячія пренія и было отклонено, страшно подумать, незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Судовый комитетъ рѣшилъ окончательно: отправиться по побережью, захватить Николаевъ, Севастополь, Ялту и Батумъ и поднять возстаніе среди кавказскихъ народностей. „Потемкинъ“ снялся съ якоря и вышелъ изъ Одессы. Однако, утопическій планъ кавказскаго возстанія нашель на корабль много противниковъ, и „Потемкинъ“, не дойдя даже до Батума, вернулся на одесскій рейдъ.

V.

Ликвидация.

Въ то время, какъ на „Потемкинъ“ развивались эти событія, въ Черноморскомъ флотѣ принимались мѣры противъ взбунтовавшагося броненосца. Командующій флотомъ адм. Чухнинъ находился въ Петроградѣ, и его обязанности исполнялъ адм. Кригеръ. Получивъ первое извѣстіе о возстаніи на „Потемкинъ“, онъ сталъ энергично дѣйствовать для ослабленія революціоннаго элемента на судахъ: списывалъ на берегъ неблагонадежныхъ матросовъ, замѣнялъ ихъ солдатами, растасовывалъ матросовъ по разнымъ судамъ и дѣлалъ все, чтобы разъединить тѣсно-спаянныя семьи отдѣльныхъ командъ. Въ 20-ыхъ числахъ іюля получился приказъ Николая II Кригеру: пойти со всей эскадрой въ Одессу и потопить „Потемкинъ“ со всей командой тремя минами Уайтхеда. Такъ почему-то и было опредѣлено въ приказѣ: *тремя* минами.

Въ одно прекрасное солнечное утро эскадра Кригера появилась на горизонтѣ Одессы. Это появленіе объединило матросовъ „Потемкина“ въ одномъ порывѣ — погибнуть, но дать сраженіе, и создало еще разъ прекрасный подъемъ, о которомъ опять нужно пожалѣть — некому было его использовать. Кригеръ флагами сигнализировалъ „Потемкину“ приказъ:

1) стоять на мѣстѣ, ибо при малѣйшемъ движеніи оный будетъ разстрѣлянъ и

2) немедленно сдаться.

На послѣднее предложеніе „Потемкинъ“ спросилъ: „кому?“. Послѣдовалъ отвѣтъ: „Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу, самодержцу Всероссійскому“. „Потемкинъ“ отвѣтилъ: „такого не признаемъ и больше съ вами разговаривать не желаемъ“. Послѣ этого „Потемкинъ“ полнымъ ходомъ двинулся на эскадру Кригера. Кригеръ, державшій свой флагъ на „Ростиславѣ“, раздѣлилъ эскадру на двѣ колонны съ такимъ расчетомъ, чтобы „Потемкинъ“ долженъ былъ пройти сквозь строй судовъ; такимъ манеромъ Кригеръ надѣялся разстрѣлать его въ кратчайшій срокъ.

Моментъ былъ трагическій. „Потемкинъ“ дѣлалъ рѣшительную ставку: оттого, будутъ или не будутъ стрѣлять по немъ матросы Черноморскаго флота, зависѣла судьба корабля и жизнь его матросовъ. Среди команды царило возбужденіе и подъемъ. Наканунѣ прибытія эскадры Кригера въ Одессу какіе-то негодяи доставили на „Потемкинъ“ два боченка съ виномъ, якобы „для поддержанія бодрости и революціоннаго духа“. Эти боченки, да картина пожара одесскаго порта, подожженного перепившимися портовыми хулиганами, деморализовали было команду „Потемкина“. Нынѣ, когда они смотрѣли въ лицо смерти, отъ этой слабости не осталось и слѣда. Всѣ были на своихъ мѣстахъ, у орудій, на вахтѣ, у рулевого колеса, на вышкахъ. Потемкинцы рѣшили не начинать боя. Но, если послѣдуетъ со стороны эскадры

выстрѣль, хотя-бы ружейный—открыть огонь изъ всѣхъ орудій и либо прорваться, либо погибнуть съ честью.

Адм. Кригеръ получалъ на своемъ „Ростиславъ“ непрерывно отъ командировъ всѣхъ судовъ сообщенія о томъ, какъ ведутъ себя команды. Вѣсти шли неутѣшительныя: команды волновались, роптали; нѣкоторые командиры доносили, что не ручаются за то, будутъ ли стрѣлять матросы по „Потемкину“. Мятешное судно, между тѣмъ, приближалось. Наконецъ, оно поравнялось съ головнымъ судномъ эскадры—броненосцемъ „Георгій Побѣдоносецъ“. Оттуда грянуло „ура“. Матросы махали руками, кидали вверхъ шапками. Съ „Потемкина“ отвѣтили криками, пѣніемъ. Когда „Потемкинъ“ поравнялся со слѣдующимъ судномъ—транспортномъ „Прутъ“—оттуда тоже закричали „ура“. Больше Кригеръ не хотѣлъ рисковать. Онъ командовалъ эскадрѣ перестроиться и полнымъ ходомъ ушелъ изъ Одессы, „потерявъ“ тутъ два корабля—„Георгій Побѣдоносецъ“ и „Прутъ“. Богъ революціи опять показалъ потемкинцамъ свою улыбку. Но она была послѣдней.

Когда „Потемкинъ“ съ двумя присоединившимися судами пришелъ на рейдъ, матросы стали переѣзжать съ корабля на корабль, брататься и поздравлять другъ друга съ побѣдой. Появилась водка. Пріѣхали съ берега какія-то личности съ бритыми физіономіями и сладкими рѣчами. А когда на утро „Потемкинъ“ просигнализировалъ „Георгію Побѣдоносцу“.

— Что дѣлать дальше, товарищи?

То оттуда отвѣтили:

Мы вамъ не товарищи. Мы царскіе.

Потемкинцы утверждаютъ нынѣ, что причиной этой измѣны „Георгія“ дѣлу революціи было то, что команда не изгнала тотчасъ же кондукторовъ—наиболѣе реакціонный элементъ, которые за ночь успѣли совершенно „переработать“ матросовъ, убѣждая ихъ въ неизбѣжной гибели потемкинцевъ и въ необходимости отмежеваться отъ нихъ для собственнаго спасенія. Кромѣ того, утромъ

на корабль приѣзжалъ одесскій ген.-губернаторъ Карангозовъ и читалъ командѣ отеческія внушенія. Какъ бы то ни было, послѣдній шансъ былъ упущенъ, помощи ждать было не откуда, революція была скомпрометирована пожаромъ порта, дѣло было проиграно. Надо было уходить.

VI.

Въ Румыніи.

Уйти рѣшили въ Румынію, покинуть тамъ корабль и спасти свои жизни, гибель которыхъ, все равно, никому никакой пользы не могла принести. „Потемкинъ“ подошелъ къ Констанцѣ, спустилъ шлюпку и отправилъ на берегъ делегацію, которая потребовала вызова въ Констанцу премьеръ-министра Румыніи Стурдзы, угрожая, въ противномъ случаѣ, разстрѣлять Констанцу. Бѣдные румыны, на которыхъ этотъ страшный русскій броненосецъ свалился, какъ снѣгъ на голову, перепугались смертельно. Однако, Стурдзу вызвали. Премьеръ-министръ приѣхалъ. Потемкинцы изложили ему свое требованіе — гарантировать имъ безпрепятственный спускъ на берегъ, безсрочную неприкосновенность на румынской территоріи и невыдачу русскому правительству. Стурдза согласился; вѣроятно, въ его соображеніяхъ немалую роль играли видъ направленныхъ на Констанцу потемкинскихъ пушекъ. Договоръ между потемкинцами и румынскимъ правительствомъ былъ заключенъ въ письменной формѣ и скрѣпленъ подписями. Этотъ замѣчательный документъ хранится, вѣроятно, въ Румыніи. Будущій историкъ возстаній Черноморскаго флота и русской революціи долженъ будетъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы его раздобыть.

Обезпечивъ себѣ неприкосновенность, потемкинцы забрали съ корабля деньги, вина, нѣкоторые документы и съѣхали на берегъ. Одинъ офицерикъ, затесавшійся къ нимъ изъ Одессы, почувствовалъ здѣсь приливъ раскаянія и попросилъ матросовъ, чтобы они его оставили на кораблѣ, связавъ по рукамъ и ногамъ, матросы

исполнили его просьбу. Этот оборотливый офицеръ, кажется, сдѣлалъ потомъ карьеру, какъ жертва взбунтовавшагося экипажа.

„Потемкинъ“ остался у береговъ Констанцы, опустошенный, безъ людей. Такъ простоялъ онъ нѣсколько дней. Наконецъ, пріѣхалъ съ эскадрой какой-то адмиралъ, повелъ себя по отношенію къ румынамъ грубо — не салютовалъ, не дѣлалъ никому визитовъ, пригрозилъ разстрѣломъ города, забралъ „Потемкина“ и уплылъ. Румыны вздохнули свободно, избавившись отъ русской напасти.

Встрѣтили потемкинцевъ въ Румыніи прекрасно: манифестаціями, рѣчами, даже банкетами. А затѣмъ увлеченіе прошло. Революціонный элементъ не очень то уважается въ конституціонныхъ монархіяхъ. Потемкинцевъ стали преслѣдовать, арестовывать. Русскіе скопцы отпосились къ нимъ холодно, даже враждебно. Жизнь пошла тяжелая. Многихъ одолѣла тоска по родинѣ. Они вернулись въ Россію и разсѣлились по каторжнымъ тюрьмамъ. Другіе уѣхали въ Англію, Италію, Францію. (Характерно, что никто не поѣхалъ въ Германію: у всѣхъ была увѣренность, что Германія выдастъ ихъ русскому правительству). Только небольшая группа осталась въ Румыніи. Когда туда пріѣзжалъ въ 1914 году. на констанцское свиданіе, Николай II, онъ обѣщалъ имъ прощеніе и разрѣшилъ вернуться въ Россію. Никто, однако, не соблазнился обѣщаніемъ, которому очень мало вѣрили. Они предпочли терпѣть, и дождались свѣтлыхъ дней, когда ихъ вернулъ свободный русскій народъ. Не дожилъ только до такого счастья руководитель потемкинскаго возстанія—Матюшенко.

VII.

Матюшенко.

Матюшенко прожилъ въ Румыніи недолго. Онъ эмигрировалъ въ Америку и тамъ устроился матеріально не дурно. И его, однако, одолѣла тоска по родинѣ, обо-

идеишейся съ нимъ такъ жестоко. Подъ чужимъ именемъ, съ фальшивымъ паспортомъ прїѣхалъ онъ въ Россію и отдался здѣсь партійной работѣ. Побывалъ въ Одессѣ. Севастополѣ, заѣхалъ въ Николаевъ. Здѣсь его и ждала нелѣпая, бессмысленная гибель.

Матюшенко шелъ по улицѣ Николаева. Вдругъ позади—погоня. Кучка лавочниковъ гналась за воромъ, бѣжавшимъ далеко впереди. Воръ ловко завернулъ за уголъ, и преслѣдователи наткнулись на Матюшенко, котораго схватили, надавали тумаковъ и повели въ часть. Тамъ Матюшенко предъявилъ паспортъ, „недоразумѣніе“ выяснилось и его отпустили. Онъ спускался по лѣстницѣ участка и на полъ-дорогѣ столкнулся съ агентомъ севастопольской полиціи. Послѣдній, знавшій его въ лицо, остановился и ахнулъ:

— Господа! Да это Матюшенко!

Матюшенко бросился бѣжать. Его поймали и отвезли на миноносцѣ въ Севастополь.

Въ страшномъ человѣческомъ документѣ — спискѣ, который велъ своимъ жертвамъ одесскій палачъ Жекмаки, есть такая запись:

Матюшенко—съ „Потемкина“.

Какъ извѣстно, царское правительство, желая стереть съ лица земли всякую память о ненавистномъ броненосцѣ, переименовало его въ „Пантелеймонъ“. Судьба показала здѣсь одну изъ своихъ затѣйливыхъ гримасъ: оказалось, что имя Матюшенки какъ разъ Пантелеймонъ. Въ Черноморскомъ флотѣ это совпаденіе вызвало сенсацію.

Возстаніе „Потемкина“ теперь — только эпизодъ русской революціи. Ихъ порывъ угасъ, но не прошелъ даромъ. Искра пожара, зароненная ими, тлѣла все время въ Черноморскомъ флотѣ, и она тоже горитъ въ пламени великой русской революціи.

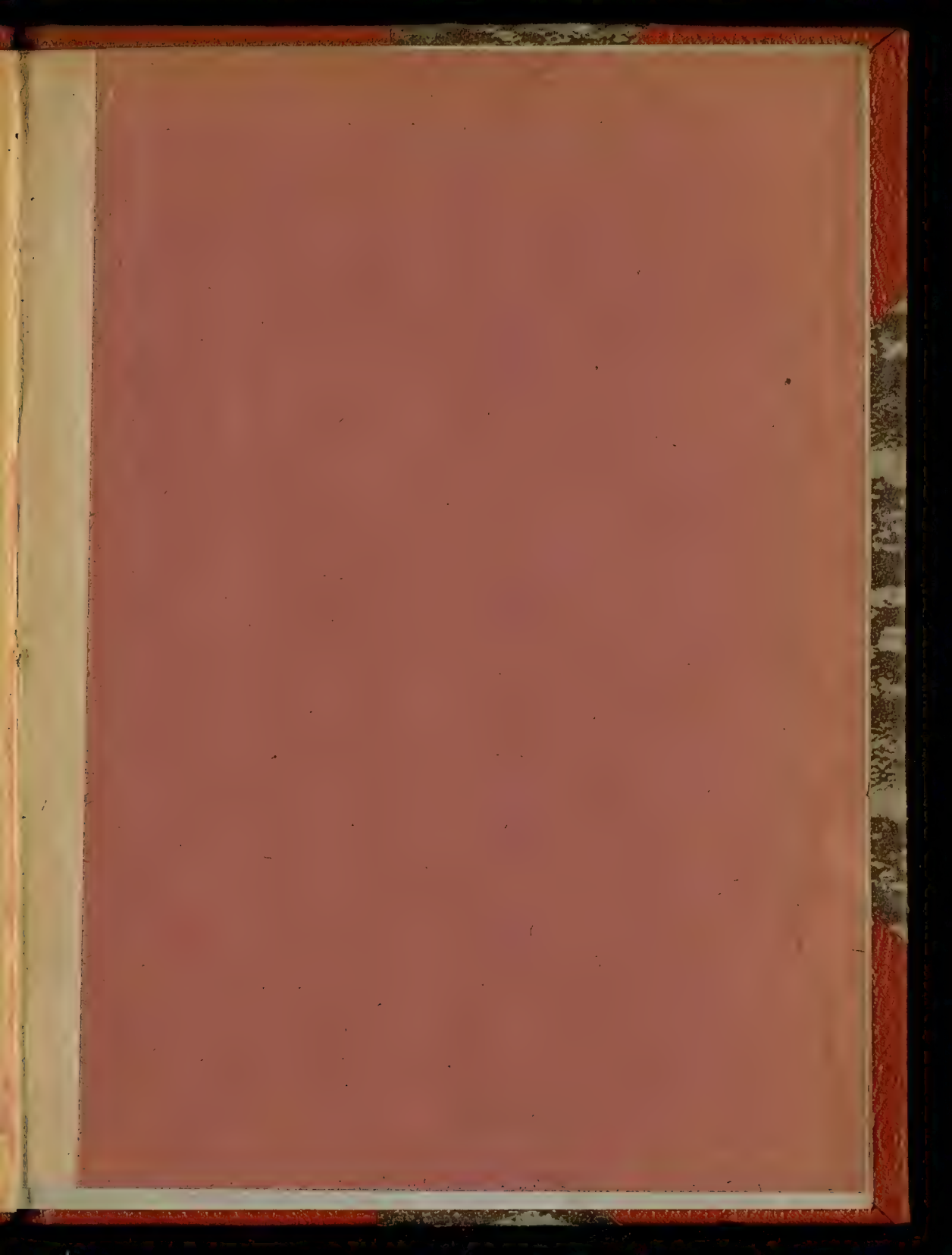
И. Тореликъ.

Института Ленин

им. Ш. Н. Р. К. П. (С.)

17398

1001

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

1) Нужно ли воевать съ пѣмцами послѣ переворота?

И. Д. скій.

2. Потемкинскіе дни. Воспоминанія Потемкинцевъ.

~~И. А. Гореликъ.~~ И. А. Гореликъ.

3. "Словарь политическихъ словъ".

ПЕЧАТАЕТСЯ МНОГО ДРУГИХЪ БРОШЮРЪ.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Книжный магазинъ А. А. Ивасенко, п. ф. "Одесскія Новости"
~~Дерибасовская, 20~~ Дерибасовская, 20 Тел. 24-20.

Книжный магазинъ "ТРУДЪ", Дерибасовская, 25.
Тел. 19-28.

Книгоиздательство "Власть Народа" Базарная, 15, кв. 9.

